

Ирина ЧЕБОКСАРОВА

г. Пермь

Я помню времена, когда книги были дефицитом. Купить, достать, получить в подарок книгу было большой удачей. И я радовалась редким тогда приобретениям. Появилась серия «Классики и современники», стали удивлением детективы Фридриха Незнанского, у меня прибавилось несколько книг о декабристах, я познакомилась с творчеством Гумилева. Но самое большое потрясение я испытала, получив в подарок от подружки Ниночки «На берегах Невы» Ирины Одоевцевой. Серебряный век! Дорогие имена поэтов. Эпоха.

Эту книгу я читала и перечитывала. А потом общение с текстом происходило так. Я, допустим, доходила до описания Гумилева. И, отложив книгу Одоевцевой, брала книги Гумилева или же книги о нем и изучала их. Так было и с Ахматовой, Мандельштамом, Блоком и Белым, Анненским, Георгием Ивановым, Кузьминым... Так и получилось, что увлечение Серебряным веком оказалось серьезным, а книга Одоевцевой – любимой.

Но я была биологом и жила во Владивостоке. Благословенный Петербург был так далеко...

Но не прошло и каких-то тридцати с лишним лет, как моя мечта побывать в Питере сбылась. Мы переехали из Владивостока в Пермь, а оттуда до Северной столицы – рукой подать. И вот поезд мчит нас снежным февралем на встречу с градом Петра. Предвкушение. Волнение. Радость.

Ладожский вокзал. Метро. Мы выходим на воздух со станции «Международная». Нам нужно на улицу Турку. Это было самое первое видение Питера. Широкий проспект, множество красочных вывесок, витрин, ярких пятен, пестроты указателей – общая суматоха большого города. Я увидела все это в целом, как большой, яркий калейдоскоп, не раскладывая его на составляющие. А мой муж безошибочно и с далекого расстояния приметил светящуюся неоновую вывеску: «Рюмочная у Гоши».

В нашем распоряжении на несколько дней уютная квартира-студия в новом доме на высоком этаже. Она прелестна. Огромное окно во всю стену – от пола до потолка, в которое виден целый район города. На очень низком подоконнике – белые шторы и подушки черного и красного цвета. Компактная кухонька. И дополнительный уют – кот Одрик, величаво расхаживающий по всем горизонтальным поверхностям. Итак, вопрос с жильем решен, завтра начнем знакомство с Питером по-настоящему. Для меня самое главное – это погружение в ту эпоху. Причем мне не хотелось экскурсий, озвученных гидами. Я мечтала о собственной инсталляции, о некоторых фетишах, например о скамейке, где «лежала его треуголка и растрепанный том Парни».

Но не тут-то было. С самого утра следующего дня начала назревать «февральская революция в отдельно взятой семье». Конфликт «пролетариата» и «буржуазии». Я рвалась в музей Пушкина на Мойку, 12, в Летний сад, в золотой центр и на Невский. Муж, бывший дальневосточный моряк, возжелал посетить «Аврору» и обзвонил всех родственников и договорился о встречах.

А так как нашему браку уже немало лет, мы смогли договориться, разделив дни на «его» и «мои». И вскоре очутились на Невском. И сразу «взлетность души». «...Вы с квадратными окошками, невысокие дома, – здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!» Триумфальная арка, Зингер, канал Грибоедова, Казанский собор, Спас на Крови, Дворцовые площадь, набережная, мост. Нева. Вид на Васильевский остров. Мойка. Поцелуев мост. Исаакий. Памятник Петру. Сенатская площадь. Сенная. От одних названий кружилась голова. Питер манил, завораживал, вовлекал. «Город туманов и снов встает предо мною с громадой неясною тяжких домов, с цепью дворцов, отраженных холодной Невою...»

Как ароматен кофе в кофейне «Абрикосовь». Интерьер 1906 года. Удобное местоположение, Невский проспект. Венские стулья и мягкие диваны. Чай и кофе для настоящих гурманов. Как богат книгами дом «Зингера», здесь так много изданий о Петербурге, разнообразие сувениров. В стеклянной витрине – корона Российской империи, ордена прошлого, все на бархатных подушечках, все сверкает. Но это великолепие не разрешают фотографировать. Начало положено. Первое знакомство с Петербургом состоялось. Немало пройдено пешком. Душа полни-

лась увиденным, она ликовала. «...Затем что воздух был совсем не наш, а как подарок божий – так чудесен».

Я и не предполагала, что последующие события отодвинут, уведут в сторону все мои мечты. Что мне предстоит вырабатывать терпение. На следующий день утром, уже собравшись, мы обнаружили, что потеряли ключи от квартиры. Причем в недрах самой квартиры. Ведь накануне мы благополучно вернулись в свое временное жилье. Долго и безуспешно мы искали потерю, в который раз все пересматривая и перетряхивая. Увы, ключей не было. Тогда муж, оставив меня охранять квартиру, отправился на другой конец города с многочисленными пересадками за вторым набором ключей для того, чтобы сделать дубликаты. Я осталась «заложницей». Постояла у огромного окна, понимая, что там, вдали – город моей мечты, а я должна ждать, возможно до вечера. И, конечно, день пропал. Меня спасли четыре потрепанные книжечки Бродского, «Одесские рассказы» Бабея, «Над пропастью во ржи» и рассказы Чехова. Вот такой набор для чтения я обнаружила на комодике. А тем временем муж, сделав дубликат ключей, отметил не спеша это важное событие у «Гоши». И действительно, появился только вечером. Радостно потрясая новой связкой ключей, он облачился в домашние джинсы, в кармане которых обнаружил утреннюю пропажу...

Утро следующего дня преподнесло новый сюрприз. В квартире не оказалось Одрика. Кот пропал. Я предположила, что муж, который выходил ближе к ночи к мусоропроводу, случайно упустил его в общий коридор в темноте. Шок! Кот – искусственно выведенная порода, стоимостью 50000, палевого с красивыми пятнышками окраса, умница, аккуратист, пропал. Его хозяин на гастролях в Индии, он музыкант. Он так дорожил своим любимцем. Сиротливо пустела мисочка с кормом, в комнате было непривычно тихо, произошедшее не укладывалось в голове. Мы бегали по коридорам и лестницам огромного, сложного дома в безуспешных поисках. Захлестывало отчаяние.

Эта квартира-студия могла приютить нас на первые два-три дня. Поэтому надо было подыскать дальнейшее жилье. Муж подключил ноутбук и просмотрел варианты отелей. «Radisson Royal Hotel» на Невском предлагал заманчивые условия проживания и обслуживания, но пугал цена-

ми. Поэтому был выбран иной, более скромный вариант. И мы отправились на разведку. Район улицы Боткина был неприветливым. Мы отыскивали нужный номер дома, он оказался каким-то трущобным, без опознавательных знаков и вывесок. Зашли. Грязный подъезд, много обуви в коридоре. Как сомнамбулы патлатые личности с мисками – постояльцы. Хозяева – плохо говорящие на русском, что-то типа узбеков. Цена низкая, но мест нет. Да я бы и бесплатно не осталась. Вспомнился Достоевский, вместе с Горьким. «На дне». Шалман. Ночлежка. Тоже краска Питера. «...А над Невой – посольство полумира, адмиралтейство, солнце, тишина! И государства жесткая порфира, как власяница грубая, бедна...»

Ошеломленные всем случившимся, молчаливые и потерянные, мы отправились к своему временному жилищу. Метро. Ледяные тротуары. Дом. Лифт. А там... на стене скотчем был прикреплен плакат с текстом, написанным ярким фломастером: «Кто потерял породистого кота??? Кот в шоке, мы тоже!!!» И телефон. Так мы нашли Одрика. Он оказался в соседней квартире.

Период испытаний закончился, и дальше все пошло по нарастающей. Мы поселились в гостинице «Охтинской» в очень уютном номере со всеми удобствами и прекрасным завтраком. Из окна открывался потрясающий вид на Неву, Большеохтинский мост, парк и монастырь. И дни потекли наполненные смыслом, яркие и неповторимые.

Мы шли по улице до Литейного моста. Узорчатое кружево снега притушило видимость, но создавало волшебное ощущение. Вдоль Невы добрались до места «прикола» «Авроры». Прошли через весь Литейный мост и повернули направо вдоль Невы. Еще немного, и мы у цели. Вот она, знаменитая решетка Летнего сада и сам сад, припорошенный снегом, аллеи, скамейки, павильоны, вековые деревья. Атмосфера ТОГО ВЕКА, погружение в эпоху. В какой-то момент от избытка чувств и долго сдерживаемых ожиданий у меня полились слезы. Всех вспомнила, кто бы мог здесь бывать. В саду было пустынно и загадочно. Статуи все заколочены в серые ящики с замочками. Фонтанов зимой нет. В павильоне голубятни – выставка и фильм о летних красотах. Сад очень удачно расположен – и до Невского близко, и на Неве. После всех моих испытаний и трепетных ожиданий я наконец-то попала в столь долго мной ожидаемое царство и погрузилась в ощущения. Это была награда за все. Я там очень

много получила. Я там поняла, что, возможно, более сильных чувств я больше нигде не испытаю. И как-то вобрала в душу всю атмосферу, все, что накопилось из знаний. Созерцание – это высокое наслаждение, вкупе со стихами, всплывающими строками, памятью о любимых кумирах. Моя душа наполнилась. «Но была ли, на самом деле, эта встреча в Летнем саду в понедельник на Вербной неделе в девятьсот двадцать первом году?»

Последующие дни подарили калейдоскоп впечатлений. Я долго рассматривала картины художников, продающиеся на Невском. Работы Комаровского, выполненные в особой технике, меня заворожали. Мы съездили на Черную речку на место дуэли Пушкина. Долго бродили по Екатерининскому парку в Пушкине. «Мороз и солнце! День чудесный!» С удовольствием походили по мостовой Петропавловской крепости, слышали полуденную пушку и колокола, вызывающие: «Боже! Царя храни!» Возле памятника Петру я уловила, что две француженки что-то оживленно пытаются мне сказать, но я не понимала. «Он по-французски в совершенстве...» – это не про меня. Каким-то непостижимым образом их понял мой муж и перевел мне: «Надо потереть ладонь царя на счастье». Кстати, ладонь выполнена с истинных мерок ладони Петра. «Мне снова снится черно-белый город, где дождь и ветер днем и ночью спорят и тучные под тучами соборы бросают в небо взгляд и якоря...»

Петербургское особенное утро. Мы идем по улице Восстания. Идем и смотрим по сторонам, читаем вывески, любимемся неповторимой архитектурой зданий. И только когда я останавливаюсь у цветочного киоска и покупаю кремовую розу, муж удивленно спрашивает: «А куда мы идем?» На моем лице опять слезы, подступает волнение, но я сквозь спазмы объясняю ему, что мы идем на бывшую улицу Бассейную, где будем искать дом № 60. Ныне это улица Некрасова. В этом доме жила Ирина Одоевцева – лучшая ученица Гумилева в «Живом слове», по этой мостовой ее провожали домой и Гумилев, и Мандельштам, однажды Ахматова и Анненский, позже Георгий Иванов, ставший ее мужем. Она уехала из ставшего для нее опасным Петербурга в 1922 году. Много лет прожила во Франции. Вернулась в свой город на Неве в 92 года. Похоронена на Волковском кладбище. Рассказ дается мне нелегко. Для меня все это очень важно. И я благодарна своему мужу, далекому от моих увлечений, за то, что он сопровождает меня, молчаливо и преданно

но находится рядом. Мы находим дом, обходим его по периметру. Мемориальной доски нет. Хотя книги переиздаются. Я купила в «Зингере» шикарное издание с ранее неизвестными стихами и прозой издательства «Мировая литература». Да, никаких указателей, спросить что-либо не у кого. Пустынно. Уже другой век. Отыскиваем кованые ворота и попадаем в «колодец двора». Там на красные, постаревшие и почерневшие кирпичи стены, за старую ржавую трубу я и помещаю свою розу. И снова плачу. Я так благодарна ей за ее книгу, за ее воспоминания, которые со мной уже столько лет! Пришло время отдать моральные долги, поплакать о ней. И роза на фоне кирпичей добавляет эмоций...

*... Я пришла не в четверть второго,
как условлено было, а в пять.
Он с улыбкой сказал: «Гумилёва
Вы бы вряд ли заставили ждать».
Я смутилась. Он поднял высоко,
чуть прищурившись, левую бровь.
И – ни жалобы, ни упрёка.
Я подумала: это любовь.*

Ирина Одоевцева – Георгию Иванову

А какой это был сад? Одоевцева пишет, что от ее студии ближе был Таврический сад, поэтому она там бывала чаще, чем в Летнем. И мы идем в Таврический. Наверное, он изменился с тех пор. Там мало деревьев и кустов, нет построек и павильонов, ни одной скамейки. Снег и пустота.

Позже я узнала, что летом там хорошая травка и все по-европейски отдыхают на газонах. Уже вернувшись домой, я прочла в Интернете информацию, которая раньше мне не попадалась. В Питере есть литературная экскурсия по местам книги Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». Но тогда я об этом не знала.

Вот и все. Снова вокзал, перрон, поезд. Дорога домой, теперь уже на Урал. Белые снега России. Деревушки, речки, полустанки. В небе – разорванная синева, как сноп чистой радости посреди зимнего серого небосклона.

Не так ли и в жизни?

«Ужель в скитаниях по миру вас не пронзит ни разу, вдруг, молниеносно рапирой стальное слово «Петербург»?»

(Использованы строки из стихотворений О. Мандельштама, Поликсены Соловьевой, Н. Агнiewiczа, М. Этельзона, А. Ахматовой, И. Одоевцевой, А. Пушкина.)

Ирина ЧЕБОКСАРОВА

родилась в местечке Усть-Качка недалеко от Перми.

Окончила Пермский государственный университет

по специальности «биология».

По распределению попала на Дальний Восток, во Владивосток.

Работала биологом, редактором-режиссером на телевидении,

писала сценарии к фильмам.

В журнале «Север» публикуется впервые.

